

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.3>**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАРКЕРОВ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В ПРОЯВЛЕНИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)**

Научная статья

Ляшева М.Н.^{1,*}, Макеева В.А.², Яковлева Е.А.³¹ ORCID : 0000-0003-3178-0700;^{1,2,3} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (marina-lyasheva[at]mail.ru)

Аннотация

Социальные сети не являются официальными СМИ, однако в последние годы фактически выполняют их функции, в связи с чем оказывают огромное влияние на свою аудиторию. Достоинством социальных сетей является их открытость, возможность быстро дать обратную связь и вступить в диалог с другими пользователями или непосредственно с автором публикации. Зачастую в таких коммуникативных взаимодействиях, особенно касающихся заведомо конфликтных тем (политика, религия и т.д.), повышается уровень речевой агрессии. В данной статье предпринимается попытка описать лексические прагматические маркеры конфликтности (ЛПМК), которые функционируют в текстах социальных сетей и являются характерными для русскоязычных пользователей при проявлении оппозиции «свой-чужой».

Ключевые слова: маркер конфликтности, конфликтген, оппозиция «свой-чужой», социальные сети.

THE LINGUOCULTURAL SPECIFICS OF CONFLICTOGENICITY MARKERS IN THE MANIFESTATION OF THE "FRIEND-OR-FOE" OPPOSITION (ON THE MATERIAL OF SOCIAL NETWORK TEXTS)

Research article

Lyasheva M.N.^{1,*}, Makeeva V.A.², Yakovleva Y.A.³¹ ORCID : 0000-0003-3178-0700;^{1,2,3} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author (marina-lyasheva[at]mail.ru)

Abstract

Social networks are not the official media, but in recent years have actually performed their functions, and therefore have a huge impact on their audiences. The advantage of social networks is their transparency, the ability to quickly give feedback and engage in a dialogue with other users or directly with the author of the publication. Often in such communicative interactions, especially those related to controversial topics (politics, religion, etc.), the level of verbal aggression increases. This article attempts to describe the lexical pragmatic markers of conflictogenicity (LPMC), which function in the texts of social networks and are characteristic for Russian-speaking users in the manifestation of the "friend-or-foe" opposition.

Keywords: conflictogenicity marker, conflictogen, "friend-or-foe" opposition, social networks.

Введение

Непрерывные социально-политические изменения, происходящие в последние десятилетия, увеличивают уровень напряжённости в обществе, что приводит к различным конфликтным столкновениям как в реальной, так и в цифровой среде. Конфликты изучаются в разных науках – конфликтологии, психологии, социологии, политологии, философии, лингвистике и пр. В фокусе внимания последней находятся тексты, уже вызвавшие конфликт, либо провоцирующие его. Их обозначают синонимичными терминами – конфликтный/конфликтогенный (иногда также – спорный) текст [5, С. 29]. Его обязательная черта – наличие одного или нескольких маркеров конфликтности, «плотность которых в тексте и/или их высокий когнитивно-прагматический потенциал способствуют возникновению конфликтных ситуаций» [4, С. 17]. Под конфликтогеном понимается какое-либо слово, вербальное или невербальное действие, способное спровоцировать ситуацию, которая может перерасти в конфликт: угрозы, насмешки, обвинения, сравнения, слова и невербальные средства оскорбительного характера либо выражающие недоверие, отрицательное отношение, категоричность, компоненты категории долженствования, оценки и т.д. [4, С. 17]. Значительную часть конфликтогенов составляют лексические прагматические маркеры конфликтности (ЛПМК), которым присущи следующие основные свойства:

- обладание высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, актуализация которого способствует возникновению конфликтных ситуаций;
- указание на негативное отношение адресанта к предмету коммуникации, адресату и выражение субъективной агрессивной (воинственной, враждебной, нетерпимой и др.) оценки;
- сознательное совершение речевых действий в ущерб другой стороне через упрёк, замечание, возражение, обвинение, угрозу, оскорбление и т.п.;
- отрицательная эмоционально-оценочная окраска;
- наличие имплицитных смыслов, запускающих конфликтный сценарий [4, С. 18].

Методы и принципы исследования

Материал для исследования составляют посты социально-политической направленности, а также комментарии к ним, которые были отобраны из социальной сети «Вконтакте» и коммуникативной платформы Telegram, совмещающей в себе функции мессенджера и социальной сети. Выборка представлена текстами, опубликованными в конце 2021 – первой половине 2022 гг. Были использованы методы компонентного, когнитивно-дискурсивного и прагмасемантического анализа.

Основные результаты

Общение в социальных сетях обладает некоторыми отличительными признаками, которые выступают и как факторы конфликтогенности коммуникации. К ним относят отсутствие невербальных средств, растянутость коммуникации во времени, недифференцированность признаков публичность/интимность, ослабление традиционных этических запретов для заочного общения, стилистическую сниженность речевой культуры коммуникации [3, С. 24].

Такая особенность, как наличие сетевых сообществ, представляющих собой группы по интересам, способствует формированию у участников коллективной идентичности на основе принципа «свой-чужой» [7, С. 33]. Это также является причиной для возникновения и развития конфликтов, ведь именно в конструировании образа «чужого» появляются единицы, относящиеся к ЛПМК. ЛПМК обладают лингвокультурной спецификой, которая связана с особенностями национального менталитета, языковой картины мира, языковой личности и стереотипизированных представлений этой личности [9, С. 15-16].

Одно из проявлений оппозиции «свой-чужой» в русской лингвокультуре основано на политическом противостоянии коммуникантов, принадлежащих к разным идеологическим движениям (правые и левые/консерваторы и либералы). Анализ выбранного материала показал, что реализация оппозиции «свой-чужой» наблюдается, прежде всего, на уровне номинации, поскольку выбор обозначения отражает отношение к группе людей.

Так, в речи правоцентристских пользователей оппоненты названы не нейтрально левые, а пренебрежительно – *леваки* и *левачки*. Отметим, что слово *левак* зафиксировано в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова с пометой *разговорное, неодобрительное* [8, С. 483], также с пометой *разговорное* находим его в Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой [2]. Стилистическая помета *неодобрительное* даёт основание отнести слово к маркеру конфликта. От этих наименований образуется относительное прилагательное *левацкий*, которое используется, чтобы дать негативную оценку в описании различных событий.

Леваков разорвал интернет-магазин, продающий худи в стиле Бенито Муссолини [11].

<...> *Классика левацкого мира* [11].

Нейтральные прилагательные, которые обозначают политические движения, не являются ЛПМК, однако приобретают такой статус в сочетании с бранной лексикой.

<...> *Рэппер Канье Уэст «покончил с BLM». Канье Уэст появился на публике в футболке «жизни белых важны», а также признал движение Black Lives Matter мошенническим в своем инстаграме. В ответ на этот перформанс порвалась вся либеральная сволочь Америки* [11].

При обозначении противника используются в большом количестве новые слова, которые имплицитно содержат в своём значении оскорбление. Подобное явление отчётливо прослеживается в обозначении либералов *толерастами*. Это неологизм, образованный путём контаминации, где первый компонент взят от нейтрального прилагательного *толерантный* (т.е. отражающий ценности либерально настроенных граждан), а конечный – от обценного слова, которым называют людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Оценочный характер неологизма скрыт именно в конечном компоненте, в котором заключено негативно-оценочное значение.

«Даже если евреев оскорбляют это не ущемление, это последствия системы, которую создало само еврейское общество. Хреновое отношение немцев к евреям – это реакция угнетенных на поведение угнетающих.» Толерасты очень уж напоминают одного усатого художника [11].

Также нами была обнаружена тенденция, когда ЛПМК употреблён по отношению к представителям своей группы. Основная цель автора в таком случае – не оскорбить своих или дистанцироваться от них, а наоборот показать проблемы оппозиционной группы в юмористическом ключе. Иногда в таких контекстах использован сленг. Предположим, что это связано с тем, что большинство представителей нынешних социальных течений – это молодёжь, поэтому автор стремится передать проблемы близким им языком. Но при этом весь контекст нам показывает иронию автора и его высмеивание описываемой ситуации.

Дочь Ефремова так переволновалась на передаче из-за скопления душных бумеров («Почитай мать и отца своих!»), что сама запуталась в своих гендерах [11].

В текстах оппозиционных левых большинство ЛПМК также отражены в выборе обозначения противника. Правые обозначены, как консерваторы, благоволящие нынешней власти. Именно поэтому, на наш взгляд, так часто встречаются различные вариации номинации *ватник*, ставшие популярными изначально именно в сетевом языке из-за мема «Рашка – квадратный ватник», воссоздающего образ ура-патриота (ироничный образ, противопоставленный истинному патриоту) и ставшего в настоящее время своеобразным лингвокультурным персонажем. Не менее распространённым является и ЛПМК, выраженный оценочным прилагательным – *ватный*.

Полностью согласен) но вот я не могу понять, как можно поднять ватный народ [12].

Также был обнаружен вариант, описанных выше ЛПМК – *вата*, который в разговорной речи стал обозначать не просто группу людей-патриотов, а обезличенную массу, т.е. приобрёл признаки собирательного существительного.

Вата схавает. А для полной достоверности надо ещё было, какой-нибудь секретный документ выложить [13].

Конфликтогенный потенциал высказывания усиливается за счёт добавления негативно-оценочного прилагательного, например, апеллирующему к невысоким интеллектуальным способностям, как в примере ниже. Это проявляется и определении истории прилагательным опоротей (вероятно, имеется в виду упоротей, что на языке молодёжи можно обозначить, как неадекватный, ненормальный).

Истории одна опоротей другой... <...> для тупой ваты в общем [14].

В некоторых примерах приверженность к правым расценивается как болезнь и выражается по модели разговорного выражения *что-то головного мозга*. В приведенном ниже примере на принадлежность к болезни также указывает лексика из одноимённого семантического поля – диагноз.

так и я о том же) вата головного мозга – это, конечно, диагноз [14].

Часто правые пренебрежительно обозначаются как люди, слепо воспринимающие государственную пропаганду.

Надо всех пропагандистов сначала на кол посадить этих сук, а потом всё остальное [12].

Встречается не только литературная форма *пропагандист*, но и различные неологизмы, производные от неё. Например, негативно-оценочная номинация *пропагандон*, образованная по принципу контаминации нейтрального слова пропаганда/пропагандист и разговорного, оскорбительного.

Путём сложения двух слов образуются и другие рискованные неологизмы. Так, номинации, образованные от существительного Кремль, что подчёркивает солидарность этой группы с нынешним правительством. Вторым словом часто выступает *бот* или образованное от него *ботва*, несущее в своём значении собирательный характер.

Ну что кремлеботы, пригтели врагов? [15].

Солидарность с нынешней властью правых подчёркивают и неологизмы, образованные от фамилии президента РФ В.В. Путина, а поскольку к ним добавляются негативно окрашенные префиксы (псевдо-) или в игровой форме трансформируется фамилия, то получившиеся новые слова приобретают негативную оценку, передают пренебрежение автора. Иногда они употреблены с иными жаргонными или разговорными оскорбительными словами, которые напрямую не обращены к группе правых, но косвенно, через обозначение чиновников или близких власти людей, оскорбляют всю солидарную группу.

Это хорошо. Чем больше открывается правда, тем больше начинает агрессивно реагировать кремлеботва, пропагандоны и псевдопутреоты всякого рода. Они напуганы и пытаются каким-то образом сохранить свой внутренний мирок от суровой реальности, куда ушла ныне Россия [16].

как же пукинисты загадили нашу землю этими криминальными отбросами, не прижившимися у себя на родине... [17]

Рискованный характер при моделировании образа чужого проявляется и в иных смысловых разновидностях, не связанных непосредственно с политическими взглядами, а основанными на столкновении ценностных установок оппонентов. Часто это связано с социальными движениями, снижавшими популярность в последние годы и характерными для политики либерально настроенных граждан (движения экоактивистов, феминизм, свобода в выборе гендерной идентичности и пр.). Так, активисты, выступающие в защиту окружающей среды, нередко уподобляются ментально нездоровым людям. Это проявляется в частом использовании неологизмов с корнем шиз-, что намекает на близость с психическими отклонениями, имеющими тот же корень, - шизофрения, шизоидное расстройство личности.

Шизоактивисты приклеили свои руки к картине Пикассо за 280 миллионов долларов в знак протеста против изменения климата. Умные мысли проследовали их, но они были быстрее [11].

Экошизы приклеили себя к асфальту суперклеем, но это не остановило полицейского, и он без особых усилий убрал мусор с дороги [11].

*Шизанутые активистки в знак протеста против изменения климата, приклеили свои руки к картине Пикассо за 280 миллионов долларов. Пикассо, с**а, зачем климат меняешь? [11].*

Порицание со стороны правых заслуживает также и проявление феминизма. Авторы называют женщин-приверженцев социального движения жаргонным словом *фемки*, образованным путём сокращения стилистически нейтрального варианта *феминистка*, который не был обнаружен в нашей выборке. Зачастую номинация сопровождается также жаргонным прилагательным, которое намекает на отклонение в психике участницы движения и помогает автору выразить своё отношение к описываемому.

В Москве поехавшая фемка разделась догола и принялась бегать за ментом, пока его коллеги издавали дьявольский смех, наблюдая за этой сюрреалистичной картиной из машины. Локация: ОВД Кузьминки [11].

Интересной представляется особенность обозначать сторонников феминизма (как женщин, так и мужчин) сложными словами, образованными на основании зооморфных метафор. Использование зооморфных метафор опирается на мифологическую, фольклорную традицию, согласно которой свойства некоторых животных выступают как вариант мифологического кода [10, С.136]. Как правило, в речи часто используется с целью негативно охарактеризовать ту или иную группу лиц [10, С. 138].

Эстетика Норвегии без мигрантов, педиков и фемтараканов [11].

Тем временем листовка в Белгороде, с которой порвутся все фемсобаки [11].

При описании левых/либеральных обычно их ценности обозначают как прогрессивные. В семантике прилагательного отсутствуют негативные смыслы. Однако некоторые слова в сетевом языке получают оскорбительную коннотацию при помощи кавычек, которые указывают на ироническую негативную оценочность [9, С. 16].

<...> То, что Джо Байден сделал с Афганистаном — это величайшее поражение в истории «прогрессивной» Америки [11].

Но чаще всего ирония автора заметна по тональности контекста, поэтому прилагательное употребляется без кавычек.

«Мне 62 и мои родители до сих пор не могут сказать, я мальчик или девочка». Проблемы прогрессивных [11].

ЛПМК обнаруживаются и в авторских комментариях, как в примере ниже, где автор выражает своё мнение на новость о выборе гендерной самоидентификации. Явно видна аллюзия на сатирическую антиутопию О. Хаксли «О дивный новый мир», в которой прилагательное *новый* заменено на *прогрессивный*.

Ох уж этот дивный прогрессивный мир... [11]

Иногда прилагательное *прогрессивный*, употреблённое иронично, сочетается с оскорбительным существительным, что также даёт основание отнести его к ЛПМК, а всё высказывание обозначить как конфликтогенный текст.

<...> *Естественно прогрессивный мусор от этого сильно ущемился и призывает к отмене мороженого* <...> [11].

Нередко сопровождается и другими прилагательными, прямо указывающими на невысокие умственные способности противника и заключающими в своём лексическом значении негативную оценку.

Комменты от *тупоголового прогрессивного скота* в группе гомогеня Игоря Синяка, по поводу геноцида армян. Некоторые думают, что Байден будет истреблять армян, а некоторые и вовсе не знают, что значит слово «геноцид». Я даже не знаю, как комментировать этих *сверхразумов* – интеллект и образование на ноль... Зато все они очень активно лезут в политику, государственные институты, культуру и учат, как нужно жить обществу... [11]

В приведённом выше примере есть ещё один ЛПМК – *сверхразум*. В прямом значении – это высокий интеллект, превосходящий обычный уровень. Однако в данном примере относится к людям, у которых, по мнению автора, отсутствует интеллект и образование. В несоответствии номинации действительности проявляется ирония автора и соответственно слово приобретает конфликтогенный потенциал.

Заключение

Специфика ЛПМК в русскоязычных социальных сетях связана с особенностями сетевого языка, который характеризуется вульгарностью и ироничностью. В качестве лексико-прагматических маркеров конфликтогенности выступают слова, заключающие в своём лексическом значении негативную оценку (*сволочь, тупой, тупоголовый, отбросы* и т.д.), неологизмы, в которых оскорбительное значение передано имплицитно (*толераст, пропагандон* и др.), сленг и иногда литературные нейтральные слова, которые употреблены в ироничном негативном контексте (*прогрессивный, сверхразум*).

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The research was supported by the Southern Federal University's Strategic Academic Leadership Programme (Priority 2030).

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

- Будаев Э.В. Зооморфные метафоры в оппозиционном дискурсе белорусских телеграм-каналов. / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2022. — 2 (92). — с. 25-34.
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова // Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2000. — URL: <https://www.efremova.info/word/levak.html#.Y4ZBIkfp0Us/>. (дата обращения: 20.11.22)
- Иваненко Г.С. Коммуникация в социальной сети: факторы конфликтогенности. / Г.С. Иваненко // Юрислингвистика. — 2020. — 18. — с. 21-25.
- Карповская Н.В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале. / Н.В. Карповская, И.Р. Абкадырова, И.И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. — 2022. — 1 (2). — с. 14-25.
- Макаренко Г.С. Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты дис. ...канд. null: 10.02.01 : защищена 2018-06-26 : утв. 2022-12-21 / Г.С. Макаренко — Уфа: 2018. — 192 с.
- Семенец О.П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роли в речевых и психологических конфликтах. / О.П. Семенец // Сибирский филологический форум. — 2021. — 3 (15). — с. 15-32.
- Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2-х томах. Том 1: монография / под научн. ред. Н.Д. Голева, отв. ред. Л.Г. Ким. — Кемерово, 2021. — 430 с.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов — М.: Оникс; Мир и Образование, 2009. — 1360 с.
- Трофимова Г.Н. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации): монография / Г.Н. Трофимова, В.В. Барабаш — М.: РУДН, 2020. — 273 с.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А.П. Чудинов — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с.
- Правые хайлайты : Telegram-канал. — URL: <https://t.me/righthigh/2907> (дата обращения 09.07.2022)
- Запись в сообществе «Политическая элита» от 13.06.2022 // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_302266_r302375 (дата обращения: 13.07.2022)

13. Запись в сообществе «Политическая элита» от 10.06.2022 // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_301960_r301966 (дата обращения: 13.07.2022)
14. Запись в сообществе «Политическая элита» от 31.05.2022 // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_301081_r301096 (дата обращения: 13.07.2022)
15. Запись в сообществе «Политическая элита» от 09.06.2022 // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_301916_r302061 (дата обращения: 13.07.2022)
16. Запись на странице пользователя Терминатор Тоцев // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/ctoxyeb1?w=wall734354955_163%2Fall (дата обращения: 13.07.2022)
17. Запись в сообществе «Политическая элита» от 13.07.2022 // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_303098_r303210 (дата обращения: 21.08.2022)

Список литературы на английском языке / References in English

- Budaev E.V. Zoomorfny'e metafory' v oppozitsionnom diskurse belorusskix telegram-kanalov [Zoomorphic metaphors in the opposition discourse of Belarusian Telegram Channels]. / E.V. Budaev // *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. — 2022. — 2 (92). — p. 25-34. [in Russian]
- Efremova T.F. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka Efremovoj [Efremova's Dictionary of the Russian Language] [Electronic source] / T.F. Efremova // *New dictionary of the Russian language. Explanatory Vocabulary*. — 2000. — URL: <https://www.efremova.info/word/levak.html#.Y4ZBIKfP0Us/>. (accessed: 20.11.22) [in Russian]
- Ivanenko G.S. Kommunikaciya v social'noj seti: faktory' konfliktogenosti [Communication in a social network: conflicting factors]. / G.S. Ivanenko // *Yurislingvistika* [Legal linguistics]. — 2020. — 18. — p. 21-25. [in Russian]
- Karpovskaya N.V. O konfliktnom diskurse, leksicheskix markerax konfliktogenosti i ix kognitivno-pragmaticheskom potentsiale [On conflict discourse, lexical markers of conflictogenicity and their cognitive and pragmatic potential]. / N.V. Karpovskaya, I.R. Abkady'rova, I.I. Davtyancz // *Byulleten' gumanitarny'x issledovanij v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve* [Humanities Research Bulletin in an interdisciplinary scientific space]. — 2022. — 1 (2). — p. 14-25. [in Russian]
- Makarenko G.S. Konfliktny'j tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya: strukturno-semanticheskij i pragmaticheskij aspekty' [Conflict text as an object of linguistic research: structural-semantic and pragmatic aspects] dis...of PhD in Social and Human Sciences: 10.02.01 : defense of the thesis 2018-06-26 : approved 2022-12-21 / Г.С. Макаренко — Ufa: 2018. — 192 p. [in Russian]
- Semencz O.P. Tipy' lingvisticheskix konfliktogenov i ix roli v rechevy'x i psixologicheskix konfliktax [Types of linguistic conflictors and their roles in speech and psychological conflicts]. / O.P. Semencz // *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum]. — 2021. — 3 (15). — p. 15-32. [in Russian]
- Sotsial'nye seti: kompleksnyy lingvisticheskij analiz. V 2-kh tomakh. Tom 1: monografiya [Social networks: an integrated linguistic analysis. In 2 volumes. Volume 1: a monograph] / under the scientific editorship of N.D. Golev, executive editor L.G. Kim. — Kemerovo, 2021. — 430 p. [in Russian]
- Ozhegov S.I. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S.I. Ozhegov — M.: Oniks; Mir i Obrazovanie, 2009. — 1360 p. [in Russian]
- Trofimova G.N. Yazy'kovoe poslevkusie internet-e'poxi v Rossii: e'ffekt bumeranga (aktual'ny'e processy' v russkoyazy'chnoi' cifrovoi' mediakommunikacii): monografiya [The linguistic aftertaste of the Internet era in Russia: the boomerang effect (current processes in Russian-language digital media communication): a monograph] / G.N. Trofimova, V.V. Barabash — M.: RUDN, 2020. — 273 p. [in Russian]
- Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory' (1991-2000): monografiya [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000): Monograph] / A.P. Chudinov — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2001. — 238 p. [in Russian]
- Pravye hajlajty : Telegram-kanal [Right highlights : Telegram channel]. — URL: <https://t.me/righthigh/2907> (accessed: 09.07.2022) [in Russian]
- Zapis' v soobshchestve «Politicheskaya elita» ot 13.06.2022 [Entry in the community "Political elite" from 13.06.2022] // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_302266_r302375 (accessed: 13.07.2022) [in Russian]
- Zapis' v soobshchestve «Politicheskaya elita» ot 10.06.2022 [Entry in the community "Political elite" from 10.06.2022] // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_301960_r301966 (accessed: 13.07.2022) [in Russian]
- Zapis' v soobshchestve «Politicheskaya elita» ot 31.05.2022 [Entry in the community "Political elite" from 31.05.2022] // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_301081_r301096 (accessed: 13.07.2022) [in Russian]
- Zapis' v soobshchestve «Politicheskaya elita» ot 09.06.2022 [Entry in the community "Political elite" from 09.06.2022] // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_301916_r302061 (accessed: 13.07.2022) [in Russian]
- Zapis' na stranice pol'zovatelya Terminator Toshchev [Entry on the user's page Terminator Toshchev] // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/ctoxyeb1?w=wall734354955_163%2Fall (accessed: 13.07.2022) [in Russian]
- Zapis' v soobshchestve «Politicheskaya elita» ot 13.07.2022 [Entry in the community "Political elite" from 13.07.2022] // ВКонтакте. — URL: https://vk.com/politicaelite?w=wall-123916919_303098_r303210 (accessed: 21.08.2022) [in Russian]